

УДК 94(47).084

**СОВЕТСКОЕ ДЕТСКОЕ ИГРОВОЕ КИНО
20-х ГОДОВ XX ВЕКА И ЕГО ЮНЫЕ ЗРИТЕЛИ***А.А. Сальникова, А.П. Бурмистров***Аннотация**

Статья посвящена первым шагам становления детского кино как «планового» жанра советского кинопроизводства, специфике первых советских детских фильмов и особенностям их восприятия детьми. Исследование базируется как на данных специальной киноведческой печати, так и на материалах педагогической периодики рассматриваемого периода. Анализ проводившихся в те годы анкетных опросов детей позволил определить отношение советского ребенка к кинематографу, показать степень влияния кинематографа на детскую аудиторию, выявить его роль как особого инструмента новых советских воспитательных практик.

Ключевые слова: советский кинематограф, детское игровое кино, история, советское детство, воспитательные практики, двадцатые годы XX века.

Бурное развитие советского кинематографа как одного из наиболее массовых, доступных и результативных способов воспитания «человека коммунистического завтра» сопровождалось в 20-е годы XX в. не только выпуском идеологически выверенных фильмов, не только развертыванием сети кинопроката и распространением так называемых кинопередвижек, но и формированием особого жанра, рассчитанного на юного кинозрителя, – детского кино. Как и весь советский кинематограф, детское кино с самого начала своего существования стало мощным инструментом агитации и пропаганды. Оно широко использовалось партийными идеологами и воспитателями в качестве инструмента внедрения новых советских ценностей в детское сознание. Взгляд на детский кинематограф как на особый – «плановый» – жанр индустрии, призванный удовлетворять запросы детской зрительской аудитории и воспитывать новое поколение советских людей, наделяемых новыми идеалами, стереотипами и моделями поведения, всецело разделялся уже в 20-е годы и советской политической элитой, и советскими педагогами.

Столь пристальное внимание к кинематографу было продиктовано реальной ситуацией, сложившейся в то время: кино в 20-е годы пользовалось необыкновенной популярностью у детей. С момента проведения первого киносеанса в России – показа «живых фотографий», состоявшегося 4 мая 1896 г. на открытии сезона в петербургском саду «Аквариум», кинематограф (синематограф) стал неотъемлемым атрибутом детской досуговой и учебной повседневности. По воспоминаниям одного из первых русских кинематографистов, инженера Б.В. Дюшена, сеансы в первом в России кинотеатре «посещали преимущественно дети»

[1, с. 175]. Правда, далеко не все демонстрируемые в то время фильмы подходили юному зрителю. С одной стороны, документальные фильмы стали все чаще показывать школьникам в учебных и просветительных целях. Например, в Казани и Казанской губернии киносеансы проходили не только в гимназиях и земских школах (преимущественно на уроках истории и географии), но даже в рамках детских чтений в здании Казанской городской думы [2, с. 31, 35–39, 44]. С другой стороны, отношение педагогов к просмотру детьми игровых, актерских картин было неоднозначным. Стремительное расширение сети «электротeatров», рост конкуренции между ними, выразившийся в том числе и в снижении цен на билеты, превращение кино в весьма доступную форму досуга и поистине массовое искусство, ориентированность его на самую широкую потребительскую аудиторию неизбежно влекли за собой, по словам русских учителей, появление у кинематографической продукции «дурного стиля и штампа, “потрафляющего” публике» [3, с. 174]. Русские игровые фильмы для детей долгое время практически отсутствовали [4]. Они появились лишь после 1908 г., с началом собственного кинопроизводства в России. Это были немногочисленные экранизации русских сказок и русской классики («Дедушка Мороз», «Царевна-лягушка», «Песнь о вещем Олеге» и др.) Дети же преимущественно смотрели совершенно другое – «взрослое» игровое кино. Классический сюжет охотно посещаемых детьми «лубочных» актерских кинодрам, воспроизведенный О. Манделштамом в стихотворении «Кинематограф» (1913), основывался на игре «жестоких страстей» и сводился к следующему:

Кинематограф. Три скамейки.
Сентиментальная горячка.
Аристократка и богачка
В сетях соперницы-злодейки.
Не удержать любви полета:
Она ни в чем не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.
А он скитается в пустыне –
Седого графа сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы-графини...

Если взрослые понимали или хотя бы должны были понимать всю условность и вымышленность такой красивой «сказки про любовь», то дети принимали все за чистую монету. Они верили всему происходящему на экране, более того, стремились этому подражать, вживались в вымышленные экранные образы, примеряли их на себя, что заставляло русских педагогов вновь и вновь говорить о «растлевающем влиянии» кинематографа на детскую психику [5, с. 56]. Однако, несмотря на неоднократные попытки ограничить и даже запретить посещение «взрослых» киносеансов [3], дети продолжали смотреть такие фильмы, ходить в кино и любить его по-прежнему.

Эта тенденция сохранилась и в советское время. Увлечение кинематографом было настолько сильным, что, как писал журнал «Советское кино» в 1925 г., дети использовали «все дозволенные и недозволенные средства», чтобы ежедневно посещать кинотеатр [6, с. 17]. В педагогическом журнале

«На путях к новой школе» в 1927 г. отмечалось, что почти половина посетителей московских кинотеатров – это дети. Так, обследование арбатского кинотеатра «АРС» летом 1926 г. показало, что 40–45% всех посетителей составляют «ребята до 16-летнего возраста» [7, с. 5]. Хотя расходы на «культурно-просветительские» цели у большинства московских рабочих составляли в то время не более 0.1–1.6% их годового дохода, все они и члены их семей регулярно бывали в кино [8, с. 30, 36, 41, 50, 68 и др.]. Об этом свидетельствуют также и более поздние воспоминания тех, чье детство прошло в 20-е годы: «Было кино у нас в Новой Деревне. Вот там с Мери Пикфорд, еще там какой второй [фильм] или какой-то тоже был, – смотрели эти кино. С родителями или без родителей. Наверное, с родителями что ли ходили. Ходили» (Из интервью с А.В. Беловой, 1916 года рождения, родилась и выросла в Ленинграде) [9, с. 212]. Посещение крупных городов ассоциировалось у многих детей из провинции, у сельских ребятшек во многом именно с возможностью наконец-то посмотреть кинофильм в большом, хорошем кинотеатре. В сочинении «Что я хотел узнать и видеть в Москве» ученик сельской Тряской школы Калужской области в декабре 1928 г. писал: «Когда я ехал на лошади на станцию, ехал на поезде в Москву, и все думал, что будет кино, про Москву, про Зоологический сад, про Мавзолей Ленина» [10, с. 287].

«Недозволенные» средства, используемые детьми для посещения кино, подчас были получены откровенно криминальным путем. В февральском номере уже упоминавшегося журнала «На путях к новой школе» за 1927 г. со ссылкой на газету «Вечерняя Москва» приводилась душераздирающая история о том, как 15-летний сын дворника задушил шестилетнего мальчика, для того чтобы продать его пальто и на вырученные деньги пойти кино: «Прием удушения... замимствован с кинокартины “Когда растает снег”. Юный убийца продал пальто на рынке за 3 рубля 30 копеек и на вырученные деньги в один вечер посетил несколько кинотеатров. <...> В этом факте, – резюмировал далее автор журнальной статьи, – два момента: страсть к кино и влияние преступной сцены» [11, с. 13]. О данном случае в 1927 г. сообщили и другие советские педагогические журналы [12, с. 25].

Разумеется, на такую привлекательность кинематографа для юного гражданина страны Советов не могли не обратить внимания его воспитатели и педагоги. И об этом они неоднократно писали в программных статьях, посвященных роли кинематографа в новых советских воспитательных практиках (см. [13, 14, 15] и др.). Однако было бы ошибочным полагать, что в 20-е годы советский детский фильм победоносно шествовал по экранам страны. Во-первых, детских картин по-прежнему было катастрофически мало, а во-вторых, у советской кинопромышленности был серьезный конкурент – западная киноиндустрия, продукция которой пользовалась колоссальным спросом у зрителей всех возрастов. Советский сценарист и писатель М. Львовский, вспоминая свое детство, впоследствии писал: «Двадцатые и начало тридцатых годов дали моему поколению книги и кинофильмы, в какой-то степени удовлетворившие детскую жажду романтического. Отечественная литература и кино тех лет уступили поле романтических походов и приключений литературе и фильмам зарубежным» [16, с. 248]. Киноведческая пресса раннесоветского периода постоянно подчеркивала факт увлечения детей «буржуазными» фильмами – мелодрамами

из Европы и США, приключенческими триллерами и комедиями, содержащими элементы жестокости и эротики, и ратовала за введение возрастных ограничений на такие картины. Эти же вопросы неоднократно поднимались на заседаниях различных педагогических комиссий и обществ, занимавшихся перевоспитанием «морально-дефективных» детей. Так, на заседании Педагогического совета Петроградского городского отдела социального обеспечения, состоявшемся 16 июля 1919 г., в качестве одной из ключевых причин правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, указывалось восприятие ими «воровских приемов, демонстрируемых на кинематографическом экране в каких-либо картинах, как “Черная рука”, “Сашка-семинарист” и пр.» [10, с. 176].

Однако образцы «классово верной» жестокости, овеванной флером революционного романтизма, советских кинематографистов и педагогов отнюдь не смущали. Как справедливо отмечал А. Федоров в своей недавней статье, посвященной проблеме насилия на советском и российском экране, «в 20-х–50-х годах в кинозалах... демонстрировалось немало отечественных фильмов, воспевающих и пропагандирующих так называемое “революционное насилие”, “революционный террор”, порожденные “классовой борьбой”, “диктатурой пролетариата”, гражданской войной и т. д. И очень часто все это выглядело на экране весьма натуралистично» [17]. И – добавим, – как тогда казалось, вполне оправданно.

Первым советским детским игровым фильмом традиционно считается короткометражный 30-минутный фильм-драма режиссера А. Аркатова «Сигнал», снятый Московским кинокомитетом еще в 1918 г. по одноименному рассказу В.М. Гаршина (1887). Главный его герой – железнодорожный сторож Семен Иванов – отдает свою жизнь во имя спасения людей. Он останавливает мчащийся навстречу разобраным рельсам поезд, используя в качестве стоп-сигнала окрашенный собственной кровью платок. Фильм, к сожалению, не сохранился. Не вполне понятно, почему этот фильм позиционировался в то время как детский. Видимо, это было связано с заложенной в нем идеей безоглядного, высокого самопожертвования, составлявшей один из базовых постулатов раннебольшевистской морали и этики.

Однако свой официальный отсчет советское детское кино, как принято полагать, начало несколько позднее – с сентября 1923 г. Именно тогда в Тифлисе состоялся премьерный показ фильма режиссера И. Перестиани «Красные дьяволята», идеально подходящего под категорию детско-юношеских картин. Сценарием для него послужила одноименная повесть (другое ее название – «Охота за голубой лисицей») советского писателя и сценариста, участника гражданской войны, бакинского большевика П.А. Бляхина. Это был первый, но, пожалуй, один из самых успешных экспериментов советской власти, направленный на приобщение детей к новым революционным ценностям посредством кинематографа. Небольшая по объему повесть П.А. Бляхина, посвященная «славной Красной армии, великому стражу труда» [18, с. 3], стала первым советским приключенческим фильмом о подвигах «красных пинкертон» – юных бойцов Первой конной, разведчиков Миши, Дуняши и Тома Джаксона – присоединившегося к ним чернокожего уличного акробата (в повести – китаец Ю-ю). В предисловии к одному из изданий книги Павел Бляхин

писал: «Повесть “Красные дьяволята” была написана мною в 1921 году в вагоне-теплушке по дороге из Костромы в Баку. Вместо трех дней я ехал ровно месяц. На самодельном столике наготове лежал маузер...» [18, с. 5].

Первоначально фильм «Красные дьяволята» не задумывался как детский, однако он смог задать определенный вектор развития целому жанру советского киноискусства: «Зритель ждал нового героя. Вспомним, что еще не вышел тогда на экран “Броненосец “Потемкин”, но по повести русского писателя П. Бляхина грузинский режиссер И. Перестиани снял фильм, ставший первым достойным воплощением революционной темы» [19, с. 24].

С первых дней выхода на экран фильм стал очень популярным среди юной аудитории и оказался весьма успешным коммерчески. Шествие его по советскому экрану было поистине триумфальным: «Советские зрители, особенно молодежь и дети, встретили фильм с восторгом и немедленно отозвались сотнями писем на имя командарма Первой Конной армии С.М. Буденного с просьбами принять их добровольцами, как “красных дьяволят”. Многие просили товарища Буденного сообщить им и точные адреса этой тройки. В некоторых клубах появились группы “красных дьяволят”» [18, с. 5]. Отвечая в 1927 г. на вопрос анкеты о своем любимом фильме, 39% детей-пионеров (44.7% мальчиков и 32.8% девочек) и 20.7% детей-непионеров (22.4% мальчиков и 18.5% девочек) назвали «Красных дьяволят» своей любимой картиной. Дети хотели быть похожими на главных героев: Мишу и Дуняшу. В фильме, по их словам, их привлекло то, что там был дан «тип рабочих детей, которые храбро борются с белыми бандами, защищая советскую республику», рассказывалось, «как боролась Красная армия с белыми», а также то, что в нем не было «ничего неправдоподобного» [12, с. 11, 15].

Важность и значимость «Красных дьяволят» в истории отечественного детского кинематографа сложно переоценить. Еще советские исследователи детского кино обращали внимание на то, что фильм положил начало этому сложному и, безусловно, интересному жанру: «Уже в первом значительном советском фильме о детях – “Красные дьяволята” – налицо те тенденции, которые впоследствии станут ведущими в нашем детском кино. Ребенок – герой, юный советский гражданин и патриот, то участник боев, то помощник в труде на колхозных полях и в грандиозном строительстве нашей Родины – вот тот персонаж, который становится главным в фильмах о наших детях» [20, с. 45]. Вошедшие в сиквел и отснятые тем же И. Перестиани в 1926 г. фильмы о новых приключениях «красных дьяволят» – «Савур-могила» («На трудовом фронте» / «Из сказок наших дней»), «Преступление княжны Ширванской», «Наказание княжны Ширванской» и «Иллан Дилли» («Змеиное жало») – оглушительного успеха уже не имели.

Создателям «Красных дьяволят» неоднократно высказывались претензии в фантастической легкости побед юных героев над врагом, в авантюризме. Сам П.А. Бляхин указывал на имевшиеся в повести «элементы... фантастики и преувеличений», которые, по его мнению, выражали «героические настроения нашей молодежи, готовой положить и жизнь свою за дело коммунизма, за счастье народа» [18, с. 6]. Однако именно эта легкость и приключенческая окраска событий и были основным аргументом в пользу того, чтобы отнести киноленту

в разряд детского кино: «Некоторые критики склонны упрекать Бляхина и Перестиани за то, что борьба с бандой Махно изображена ими как некая цепь увлекательных приключений. Действительно, в фильме есть чрезмерная легкость побед. Но это еще одно доказательство того, что фильм – детский» [21, с. 37].

Впрочем, киноведы 20-х годов связывали появление детского кино в России с другим фильмом, вышедшим на экраны в 1924 г. Это фильм режиссера М. Доронина «Как Петюнька ездил к Ильичу», снятый по одноименному рассказу П. Дорохова [22]. Данная лента полностью вписывалась в ленинскую мартирологию тех лет. Дети-беспризорники, брат и сестра Петюнька и Катюша, во время поволжского голода 1921 г. попадают в детский дом, где находят свою новую семью. Когда Петюнька узнает о смерти Ленина, он, преодолевая множество препятствий, добирается до Колонного зала Дома Союзов в Москве, чтобы попрощаться с великим вождем.

В середине – второй половине 20-х годов сюжет о детях – воспитанниках детских домов и о юных пионерах – мальчиках и девочках с определенной жизненной позицией и целым набором штампов «взрослого партийца» [23, с. 82] – становится одним из самых распространенных сюжетов советского детского кино («Ванька – юный пионер» (1924), «Мишка Звонов» (1925), «Дитя госцирка» (1925), «Кирильчо» (1925), «Оторванные рукава» (1928), «Приемыш» (1929) и др.), но зрительский успех ни одного из них не смог сравниться с успехом «Красных дьяволят».

Тем не менее, несмотря на постепенное увеличение количества советских детских фильмов, их было еще крайне мало. На советских экранах по-прежнему активно транслировались западные картины, которые обычно не были рассчитаны на детскую аудиторию. Это обстоятельство настораживало советских педагогов, которые, как и в первые послереволюционные годы, продолжали видеть в огромной популярности «буржуазного» кино серьезную опасность, таящуюся в разрушении моральных устоев молодежи: «В числе факторов, толкнувших молодую девушку на проституцию, мы нередко встречаем стремление к красивой и легкой жизни, виденной на экране. <...> Известны случаи посещения по 10–15 раз одной и той же картины из-за чувства полового возбуждения, вызываемого обликами героя или героини» [13, с. 9, 10]. Отмечая деструктивное влияние зарубежного кино на детскую психику и поведение юных зрителей, советский киновед Ю. Менжинская писала, что и некоторые советские фильмы также нежелательны к демонстрации для младшей возрастной категории зрителей: «Возьмем такую картину, как “Мусульманка”. Она допущена на детский экран, потому что хоть немного, но в ней обрисовывается роль советской власти на Востоке. За этот плюс пришлось допустить весьма существенные минусы. В фильме достаточно реалистично передана сцена между молодоженами, где муж ударами сламывает упорство неласковой жены. Трудовой жизни мусульманки фильма не дает, а ведь на Востоке женщина не только гаремная игрушка, но и выючный скот» [24, с. 5].

Для предотвращения пагубного влияния на детей «буржуазного» кинематографа создавались специальные утренние показы, рассчитанные на детскую аудиторию, и организовывались постоянные широкомасштабные кинопросмотры в школах. Чтобы сделать эти показы более привлекательными, демонстрацию

фильма вместо таперов сопровождали мини-оркестры, а также голосовой комментарий диктора [11, с. 17]. Со второй половины 20-х годов такие сеансы проходили довольно регулярно не только в крупных городах, но и в сельской местности благодаря развитию широкой сети кинопередвижек. Цены на билеты на детские сеансы были предельно низкими, в школах кино показывали совершенно бесплатно. Наряду с художественными лентами демонстрировались научно-популярные фильмы о развитии промышленности, о географии и сельском хозяйстве, однако посещаемость научно-популярных сеансов оставляла желать лучшего: «Серьезная научная картина не привлекает ребят и мало их интересует – это вытекает и из статистики посещений картин, и из общих отзывов ребят о том, какие картины им нравятся» [25, с. 60].

Борьба за юного зрителя и проблема формирования особого жанра – детского кино, рассчитанного на разные возрастные категории детей, – заставила обратиться к исследованию предпочтений детской зрительской аудитории. Необходимо было понять, что дети ищут в кинотеатрах, какие моменты в фильмах для них особенно привлекательны, какие – второстепенны, а какие и вообще неприемлемы. Для поиска ответов на эти вопросы советскими педагогами во второй половине 20-х годов неоднократно проводились анкетирования школьников, результаты которых публиковались как в специализированной киноведческой, так и в педагогической печати. Чтобы дать представление о том, какими были результаты такого рода анкетирований, мы приводим некоторые из них за 1926–1927 гг.

Чаще всего анкетным обследованиям подвергались юные москвичи, причем, как правило, ученики школ, расположенных в центре столицы и окруженных довольно многочисленными кинотеатрами [12, с. 8; 26, с. 20]. Однако в ряде случаев объектами обследования становились дети московских окраин и провинциальных городов России [27, с. 44].

Одно из таких анкетирований проводилось в ноябре – декабре 1926 г. в Москве. Оно охватило более 800 учащихся в возрасте от 8 до 17 лет включительно. Респондентам предлагалось в письменной анонимной форме ответить на следующие вопросы: «Ходишь ли ты в кино или нет; если ходишь, то сколько раз в месяц; что делаешь, когда хочется идти в кино, а денег у тебя нет; что тебе нравится больше – кино или театр, и почему; что бы ты хотел от кино» [26, с. 20]. Другое обследование, проведенное примерно в то же время в одной из московских школ, охватило 674 ребенка и, помимо упомянутых вопросов, включало еще и такие: «Какие из виденных в кино картин больше всего тебе понравились, а какие картины тебе не понравились, почему; на кого из виденных в кино героев тебе больше всего хотелось бы походить; почему именно на него; нравятся ли тебе картины, рисующие нашу повседневную жизнь или жизнь, непохожую на нашу, почему; нравятся ли тебе революционные картины или нет, почему; какие картины нравятся: из жизни трудящихся или богатых; какие картины тебе больше нравятся – видовые или приключенческие» [12, с. 8].

В вопросе о частоте посещения кинотеатров результаты примерно совпали: более или менее систематически посещали кино 88–91,3% учащихся, причем в среднем 3–4 раза в месяц [12, с. 9–10; 26, с. 21]. Однако небольшая часть детей (6–7%) посещала кино 10–20 раз в месяц, а некоторые из опрошенных ходили

в кино, особенно летом, ежедневно [12, с. 10]. Главной причиной непосещения кино была материальная необеспеченность (около 75%): «Не могу с мамы грош вытянуть», «нам и есть нечего, о кино не приходится думать» [26, с. 21].

Показательными оказались ответы на вопрос о том, что делают дети, когда идти в кино хочется, а денег нет. Они наглядно иллюстрировали, насколько велико было желание мальчиков и девочек попасть в кинотеатр, которое в ряде случаев граничило с психологической зависимостью от кинематографа. Самый распространенный ответ (22%) – «сиду дома». 16.76% детей ответили: «занимаю»: «Берешь у матери или занимаешь, а идешь» (мальчик, 15 лет); «приходится занимать у соседей, а потом отдавать, прося у матери на яблоки и завтраки» (мальчик, 14 лет); «если боевик, то займу обязательно» (девочка, 14 лет). 15% опрошенных ответили: «прошу!»: «Прошу и волнуясь» (девочка, 12 лет); «прошу – папа всегда дает» (мальчик, 13 лет); «если интересная картина, я прошу и плачу, и мама тогда дает» (девочка, 11 лет); «мама, дай, мам, дай, дай, вот ей-богу отдам, как будут деньги» (девочка, 15 лет); «прошу у отца или занимаю, а если это не помогает, пытаюсь повеситься» (мальчик, 14 лет). 7.94% детей ответили, что ходят бесплатно: «Я никогда не хожу за деньги, а только трусю около театра и пролезаю» (мальчик, 13 лет); «прошу у сторожа пустить» (мальчик, 13 лет). И, наконец, 7% опрошенных сообщили, что в этих случаях они страдают и нервничают: «Бегаешь, суетишься туда-сюда и заплачешь» (мальчик, 14 лет); «мечтаю о какой-нибудь картине, а другой раз назло что-нибудь сделаю брату» (девочка, 14 лет); «реву белугой, пока мама не даст денег» (девочка, 15 лет)» [26, с. 23]. О том, что в случае непопадания в кино они «плачут» и «обливаются горячими слезами», сообщили и во время второго анкетирования дети разных возрастов [12, с. 22–23].

Эти ответы позволяют утверждать, что к середине 20-х годов кинематограф стал неотъемлемым атрибутом жизни детей и подростков, с помощью которого они не только «узнавали жизнь», но и формировались как личности.

Что касается детских приоритетов, то самыми любимыми и востребованными у школьников 12–13 лет, причем как у мальчиков, так и у девочек, оказались приключенческие фильмы: «Багдадский вор» (38.3%), «Робин Гуд» (32.4%), «Знак Зорро» (27.4%), потому что там «много приключений, много трюков, много драки и смеха». Затем следовали «Броненосец “Потемкин”» (27.1%) и «Красные дьяволята» (20.7%). Таковы были результаты опроса детей, которые не были пионерами. У пионеров же приоритеты несколько отличались, хотя пятерка фильмов-лидеров осталась неизменной: «Робин Гуд» (46.6%), «Броненосец “Потемкин”» (43.8%), «Красные дьяволята» (39.0%), «Багдадский вор» (32.9%) и «Знак Зорро» (30.1%) [12, с. 11]. Примерно так же оценили фильмы и дети московских окраин, а вот для школьников Самары наиболее значимыми оказались несколько другие фильмы (в порядке убывания): «Робин Гуд», «Нибелунги», «Коллежский регистратор», «Мать» и «С.В.Д.» («Союз великого дела» – фильм о декабристах) [27, с. 44]. Юные зрители восхищались не только фильмами с прямо выраженным революционным содержанием и «красной» романтикой («Броненосец “Потемкин”», «Красные дьяволята»), но и западными приключенческими авантюрными фильмами, в которых они видели сходные идеи, например, фильмом «Робин Гуд» («защитник бедных») [12, с. 12, 15].

На вопрос о том, нравятся ли им фильмы революционного содержания, 72.7% мальчиков и 67.1% девочек ответили утвердительно. При этом 52.2% опрошенных предпочли фильмы «из жизни трудящихся», 17.4% – «из жизни богатых», 29.5% – «из жизни тех и других», 0.9% – «ни тех, ни других» [12, с. 7–21]. Революционные картины, по словам многих детей, ставятся слишком неинтересно и однообразно, тогда как фильмы «из жизни богатых» привлекали их «непохожестью на нашу» и уходом от повседневности.

Иногда исследование детской аудитории выходило за рамки анкетирования и получения статистических данных: с детьми работали психологи и психиатры, которые пытались изучить нейропсихические реакции ребенка на те или иные эпизоды просматриваемых кинолент: «Испытуемый усаживается в кресло, связанное с соседней комнатой рядом трубок, передающих туда соответствующие реакции. Тут же рядом с испытуемым помещается наблюдатель, который фиксирует во время демонстрации картины все внешние реакции испытуемого. <...> На грудь испытуемого надевается пояс-пневмограф для записи кривой дыхания. На левой руке испытуемого прикрепляется сфигмограф для записи кривой пульса» [28, с. 43].

Результаты проведенных опросов и обследований были учтены. После прошедшего в 1927 г. под председательством Н.К. Крупской совещания по вопросам детского и школьного кинематографа, призвавшего как можно быстрее озаботиться производством «советских здоровых» фильмов для детей, началось планомерное сокращение присутствия зарубежных лент на советских экранах и постепенное вытеснение их советскими детско-юношескими фильмами.

В 20-е годы взгляд на советское детское кино и образ ребенка в нем только начинал формироваться, в следующем десятилетии он выработался окончательно. И сам юный зритель, и предназначенные для него фильмы должны были стать носителями и трансляторами новых советских ценностей и идеалов, воплощая мифологему «счастливого советского детства». Советскому кинематографу была уготована роль «великого воспитателя» наряду с комсомолом, пионерской организацией и советской школой [29, с. 28].

Summary

A.A. Salnikova, A.P. Burmistrov. Soviet Children's Cinematography in the 1920s and Its Young Spectators.

The article deals with the Soviet children's cinematography of the 1920s, the first steps of its establishment as a "target" genre in Soviet film production, and the peculiarities of the first Soviet children's films and their perception by children. The research is based on special cinematology journals as well as on educational periodicals of the period under examination. The analysis of children's answers to questionnaires organized at that time made it possible to determine a Soviet child's attitude to the cinema, the influence of cinematography on children's audience, and its role as a specific instrument of new Soviet upbringing practices.

Keywords: Soviet cinematography, children's fiction cinema, history, Soviet childhood, upbringing practices, 1920s.

Литература

1. Дюшен Б. Беглые воспоминания // Киноведческие записки. – 2003. – № 64. – С. 175–184.
2. Алексеева Е.П. Развитие и становление кинематографа в Казани и Казанской губернии (1897–1917 гг.). – Казань: Фэн, 2007. – 181 с.
3. Слоним М. Историко-литературный кинематограф и его задачи // Вестник воспитания. – 1917. – № 1. – С. 166–198.
4. Дети и дореволюционное кино. – URL: <http://www.peterburg.biz/deti-i-dorevoljutsionnoe-kino.html>, свободный.
5. Хроника // Вестник воспитания. – 1917. – № 2. – С. 45–94.
6. Диканская В. Школа и кино // Советское кино. – 1925. – № 1. – С. 17–20.
7. Менжинская Ю. Ближайшие задачи в области кино для детей // На путях к новой школе. – 1927. – № 3. – С. 5–15.
8. Кабо Е.О. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. – М.: Изд-во ВЦСПС, 1928. – 290 с.
9. Интервью с Александрой Васильевной Беловой // Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): в 2 ч. – М.; Тверь: Науч. кн., 2008. – Ч. 1: 1890–1940. – С. 201–226.
10. Сочинения учеников калужских школ Первой опытной станции Наркомпроса (1922–1930) // Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): в 2 ч. – М.; Тверь: Науч. кн., 2008. – Ч. 1: 1890–1940. – С. 275–294.
11. Зайков А. Киноопасность и борьба с нею // На путях к новой школе. – 1927. – № 2. – С. 13–19.
12. Станчинская-Розенберг Э. Влияние кино на школьника // Вестник просвещения. – 1927. – № 2. – С. 8–25.
13. Вайншток В.П. Кино и молодежь. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 102 с.
14. Лацис А.Э. Дети и кино. – М.: Теа-кино-печать, 1928. – 88 с.
15. Люблинский П.И. Кинематограф и дети. – М.: Право и жизнь, 1925. – 122 с.
16. КИНО – ЮНЫМ. – М.: Искусство, 1985. – 336 с.
17. Федоров А. Насилие на советском и российском экране – от 1920-х до начала XXI века. – URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/3198/>, свободный.
18. Бляхин П.А. Красные дьяволята. – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1968. – 104 с.
19. Парамонова К.К. Что там за полотном экрана // КИНО – ЮНЫМ. – М.: Искусство, 1985. – С. 22–53.
20. Бегак Б., Громов Ю. Большое искусство для маленьких. Пути детского художественного фильма. – М.: Госкиноиздат, 1949. – 232 с.
21. Парамонова К.К. Рождение фильма для детей: Некоторые вопросы истории детского кинематографа 1918–1926 гг.: Лекция. – М., 1962. – 37 с.
22. Степанов М. За пять лет (Обзор детской фильмы) // Советский экран. – 1929. – № 26. – С. 6.
23. Нусинова Н. «Теперь ты наша»: Ребенок в советском кино, 20-30-е гг. // Искусство кино. – 2003. – № 12. – С. 81–87.
24. Менжинская Ю. О детском кино // Кино-фронт. – 1927. – № 2. – С. 3–5.
25. Таннова Л. Кино в школе // На путях к новой школе. – 1927. – № 2. – С. 58–63.
26. Правдолюбков В. Кино и учащиеся // На путях к новой школе. – 1927. – № 2. – С. 19–30.

27. Советский школьник. По работам I Педологического съезда / Под ред. Н.А. Рыбникова. – М.: Работник просвещения, 1929. – 67 с.
28. *Гельмонт А.М.* Изучение влияния кино на детей // Кино и культура. – 1929. – № 4. – С. 38–47.
29. *Кацман Р.* Великий воспитатель // Советское кино. – 1935. – № 10. – С. 28–30.

Поступила в редакцию
22.11.13

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историографии и источниковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *Alla.Salnikova@kpfu.ru*

Бурмистров Антон Павлович – аспирант кафедры историографии и источниковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *antonburmistrof@ya.ru*